

Николай Леонов, Алексей Макеев

Плохая компания

*Часть сборника
Завещаю свою смерть (сборник)*

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Плохая компания
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3084215
Завещаю свою смерть: Авторский сборник: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-55495-9

Аннотация

Полковники уголовного розыска Гуров и Крячко простыми делами не занимаются. Вот и сейчас начальство подкинуло им запутанное дело... В пансионате «Голубое озеро» таинственно погиб Вячеслав Гладких, ответственный работник министерства строительства.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	8
Глава вторая	21
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николай Леонов, Алексей Макеев

Плохая компания

Пролог

Густая пелена тумана растекалась вокруг – через пять шагов уже не видно ни зги. Казаки тревожно поглядывали вперед – туда, где зыбилось болото. Атаман Матвей, видя настроение своих казаков, хмурился еще сильнее. Недружелюбно взглянул на привязанного шамана, подошел вплотную, приподнял за подбородок широкое скуластое лицо, жестко спросил:

– Ну что? Надумал?

Шаман Унху, стараясь сдерживать злобу, храбро посмотрел Матвеем в глаза и произнес:

– Я тебе уже сказал. Нет.

Матвей усмехнулся, постоял, покачиваясь, потом повернулся к своим сподвижникам, кивнул... Те, в момент все поняв, выпустили женщину, жену шамана, которая все это время с заткнутым тряпицей ртом наблюдала за своим связанным мужем с ужасом в раскосых глазах. Почуввав свободу, она скользнула к дереву – метнулись черные косы в воздухе, – припала к груди мужа и залопотала что-то быстро, умоляюще... Шаман слушал молча, не выдавая своих эмоций. Потом проговорил что-то на своем языке – строго, твердо проговорил. Женщина стала опускаться ниже, руками обвила его колени, залопотала горячее. Тот сменил тон, положил ладонь на голову жены, погладил... Сказал что-то ласковое, но не менее твердо. Женщина раскачивалась, плача в голос. Шаман поднял голову и гордо посмотрел на чужеземцев.

– Уведите ее! – крикнул он.

Казаки бросили взгляд на атамана, поймав молчаливый кивок Матвея, снова бросились к дереву, схватили женщину за обе руки, оттаскивая от мужа.

Та что-то отчаянно закричала. Матвей шагнул к дереву.

– Слушай, шаман, – произнес он. – Мы все равно пройдем туда, куда нам нужно. Не с тобой, так без тебя. К чему тебе за просто так жизнь свою губить, мучительной смертью умирать? Да и о жене подумай: на кого останется? А ведь молодая совсем... Да и дети, поди, есть у тебя? Подумай. Последнюю возможность тебе даю жизнь сохранить, не то лютой смертью погибнешь!

– Вы все равно не пройдете через болота. Духи не простят вам, что вы украли святыню. Все погибнете, все! Это вас лютая смерть ждет!

Шаман Унху бросал эти слова уверенно, страшно, зло и в то же время спокойно. И от голоса его невольно стыла в жилах кровь у казаков. Матвей раздумывал, пристально поглядывая на шамана. Он понимал, что храбрится, что все совсем не так хорошо. Нет уверенности в том, что выберутся отсюда. Колеблются казаки, сомневаются. Уже нет той бравады и удали, которая брызгала во все стороны, когда только пришли они сюда, когда врывались с саблями в дома местных жителей, собирая все, что попадалось под руку: ложки, тарелки, украшения... Не удовлетворились данью, захотелось большего, вот и настроили местных против себя!

Но больше всего взъярились те, когда казаки разрушили их жертвенник. Матвей лично изрубил его саблей и забрал все, что было сложено вокруг. Ахнули местные от такого святотатства, замерли, а потом со всех сторон полился шепот проклятий. Матвей не обращал внимания, знал, что захватчиков никогда не любят, тут уж ничего не поделаешь. Но местные оказались не столь просты. После того как жертвенник их разрушили, словно помеша-

лись все. Как безумные кинулись на Матвеево войско. Сами полегли, но и его людей многих положили. Пришлось отступать. И чем дальше отступали, тем сильнее теснились к болотам. Стали у самой кромки, устроили осаду... Соваться местные боялись, но все равно приходилось все время держать оборону: нет-нет да и подходили самые отчаянные смельчаки, врзались прямо в центр Матвеева войска, резали людей, душили... Сами, конечно, гибли тут же, но урон нанесли немалый. Нужно было отступать дальше, а куда отступать, если впереди – топь непролазная!

Однако знал Матвей, что есть человек, который может провести их через эту трясины. Шаман местный, Унху. Он эти места знает, еще от своих предков наслышан, как пройти через болота. И карта даже вроде бы у него имеется. Послал Матвей своих людей и сам пошел с ними. Ночью ворвались в дом шамана, перевернули все с ног на голову, но карты так и не нашли. Самого шамана и жену его с собой взяли. Правда, двоих потеряли: шаман лично их задушил, защищаясь.

Теперь на шамана у Матвея вся надежда. Если не проведет их через болота, погибель их ждет. Идти некуда – позади местные, злые, готовые порвать в клочья, а впереди трясины. Вот по этой трясине и нужно пробираться. По островкам, с одного на другой. Но шаман не соглашается. Стоит насмерть, хотя и тело уже истерзано, и душа. И пыткам подвергали, и голодом морили, и жаждой. Не помогло и то, что жену его Матвей казакам отдал. Норовистая баба оказалась, как кошка вырывалась, царапалась, но куда ей против толпы оголодавших мужиков с оружием! Но и тут шаман не смягчился, лишь лицо его почернело, а волосы побелели. Проклятия произносил да какие-то молитвы. Плевать на его молитвы, Матвею выбираться отсюда надо!

Посмотрел в черные, как уголь, глаза шамановы и увидел на дне такую непреклонную решимость, с какой еще не доводилось сталкиваться атаману, много битв пережившему.

– Ну что? – крикнул, чувствуя собственное бессилие. – Идем? Последний раз тебя спрашиваю!

– Матвей! – послышалось сзади.

Атаман обернулся. Двое казаков вели юношу, совсем молодого. Глаза испуганные, но живые. Стоит в центре, подрагивает, смотрит на шамана вопросительно.

– Вот он согласился нас провести! – крикнул один из казаков. – Говорит, что знает дорогу.

Матвей не сразу поверил услышанному. Постоял, раздумывая. Потом подошел к юноше, взглянул в глаза.

– Дорогу знаешь? – спросил он.

Юноша кивнул не очень уверенно и проговорил:

– Карты нет. Но с отцом ходил, когда маленьким был. Отец охотник был. Много что помню из того, что видел. Можно пойти.

Шаман посмотрел на юношу и громко что-то крикнул. Тот вздрогнул и ответил на своем языке.

– О чем это вы толкуете? – нахмурился Матвей.

– Шаман говорит, что пройти нельзя без него, – совсем тихо произнес юноша. – Но я проведу. Мы хотим, чтобы вы ушли отсюда и не тревожили больше ни нас, ни наших духов. Поэтому я проведу.

– Молодец! – громко крикнул атаман и хлопнул юношу по плечу. – Сразу видно – умный! Слышишь, шаман? – Он вплотную подошел к связанному человеку и усмехнулся. – А ты говорил, не пройдем! Я предупреждал тебя: подумай хорошенько... А теперь и сам погибнешь, и нас не остановишь.

Матвей потянулся, не спеша достал из-за пояса саблю, еще раз взглянул в глаза шаману. В них не было страха. Хотя он не мог не понимать, что наступает его последний час.

– А то, может, пойдешь с нами? – медленно поднимая клинок, предложил атаман. – Сделаю тебя правой рукой. Мне нравится твоя стойкость.

Шаман молчал, но во взгляде его было столько презрения, что Матвей невольно отвел глаза. Тогда, разозленный, он заговорил издевательски:

– Ведь ты же шаман! Что же твои духи, которыми ты нас пугаешь, не помогут тебе? Где же они? Молчишь? Да потому, что их нет, твоих духов!

– Духи проклянут вас, – бесстрастно произнес шаман. – Уже проклинали. Вам не уйти отсюда.

Матвей взмахнул саблей. На секунду задержал в воздухе, все еще глядя на шамана, но тот даже в лице не переменился и глазом не моргнул. Со свистом резанула воздух сталь, опустилась тяжело. Отлетела в сторону, покатила отсеченная голова, и кровь брызнула во все стороны, окатив одежду Матвея. Закричала страшно, завывала женщина, упав на землю. Стала кататься, била, молотила руками и головой. Черные косы разметались, выбились волосы. Вошедший в раж Матвей подскочил к ней и резко рванул вверх. Страх лишь на миг вспыхнул в длинных черных глазах, а потом сменился все тем же презрением, каким окатывал его несколько секунд назад ее муж. В ярости рубанул Матвей, и упала женщина на землю, хрипя перерезанным горлом.

Спокойно убрал клинок Матвей, тяжело повернулся к юноше и спросил:

– Тебя как звать?

– Чухпелек, – ответил тот.

– Что ж, Чухпелек. Если ты надумаешь обмануть Матвея, тебя ждет то же самое, – проговорил атаман. – Так что не будь таким дураком, как твой шаман. А теперь в путь! Некогда здесь болтаться!

В дорогу тронулись тут же. Лошадей пришлось пристреливать: ноги их увязали в болотной топи, с жалобным ржанием шли ко дну четвероногие помощники. Только самых лучших, самых выносливых оставили казаки, остальных резали и разрубали тут же, тащили с собой в качестве провизии. С пищей было туго, посему конина пришлась как раз кстати.

Однако чем дальше шли, тем труднее и бессмысленнее казалось это занятие. Молодой проводник не был таким опытным, да и вел казаков наугад, по детской своей памяти. Наконец добрались до одного острова.

– Дальше пока идти нельзя, – проговорил Чухпелек.

– Почему? – вскинулся Матвей, угрожающе посмотрел на проводника.

– Лето, вода высоко, – пояснил тот. – Не пройдем, потонем. Нужно подождать, когда вода спадет.

– Сколько ждать? – покосился на него Матвей.

– Недели две-три.

– Долго, – покачал головой атаман. – Не продержимся!

– Раньше никак нельзя, – стоял на своем проводник, убеждал умоляюще. – Не пройдем, вода высоко!

Матвей отошел в сторону и присел на травянистый холмик. Три недели на этом зыбучем островке, когда запасы пищи подходят к концу! Где даже костер развести трудно, потому что вокруг все сырое. Казаки с голоду начнут пухнуть, бунт поднимут... И так настроение у всех мрачное.

Но деваться было некуда. Принялись ждать. Казаки с каждым днем становились все смурнее. Все чаще раздавался ропот недовольства, и Матвей понимал, что виноватым они считают его, своего атамана.

Скоро стало совсем неладно с людьми. Словно припадочные делались, глаза обезумели. Кидались друг на друга, кричали, кто-то в плаче заходил. Несколько казаков сами

себя порубили. Страх, вопли, злоба витали вокруг. Кучковались казаки вокруг своего атамана, поглядывали недобро.

– Куда ты нас завел, Матвей? – крикнул Мыкола.

– На погибель верную! – визгливо поддержал его еще один казак. – Мы тебе доверились, а ты все войско загубил! Зачем мы пошли на север? Зачем не остались?

– Если б остались – давно бы погибли, – огрызнулся Матвей.

– Уж лучше в бою полечь, чем в этой топи сгинуть!

– Да что вы его слушаете, ребята, он нарочно хочет нас загубить, а добро себе взять. Пойдемте вперед! Сами пойдем!

– Пойдем, пойдем сами! – загудело вокруг. Некоторые казаки рванулись к краю болота, уже ступили в топь, схватив палки для опоры.

Матвей видел, что дело плохо. Выходят казаки из-под контроля, вот-вот начнется открытый бой. Собрал всю волю в кулак, крикнул громовым голосом:

– Стоять! Стоять, я сказал! Все поляжете, десяти шагов не пройдете!

Остановились трое в нерешительности. Вода сразу по пояс поглотила, втягивала, всасывала в мягкое месиво. Заколебались казаки: не послушаться ли атамана, не вернуться ли, пока не поздно? Однако возглас «Вперед!», произнесенный возглавлявшим шествие, заставил многих продолжить путь. Двое отступивших назад стали вдруг стремительно увязать, уходить на дно. Дернулись было вперед, да не тут-то было: цепко ухватило болото, шаг ступить не давало. Кричали, тянули палки, руки, просили помощи. Бросились было на подмогу несколько казаков, ухватились за палки, да только даже их силища слаба оказалась перед болотной. Затягивало болото, выскальзывала палка из рук пришедших на подмогу, и в ужасе шарахались они от топи, не думая ни о чем, кроме собственной жизни. Поглощала несчастных вязкая пучина, молкли отчаянные крики, уходили под жижу казаки...

– Матвей! – в ярости заорал один из казаков, бросаясь на своего атамана. – Что ты наделал, Матвей?

– Я сказал – никому не ходить! Ослушались атамана, вот и погибли! – сурово произнес Матвей.

– Зачем мы связались с этим? – Гнев казаков перекинулся на юношу-проводника, стоявшего в стороне и с ужасом смотревшего на только что произошедшую картину. – Он обманул нас! Завел на верную погибель! Мы все тут с голоду помрем либо потонем!

Матвей быстро зыркнул на Чухпелека. Тот принял спокойный вид, и только легкая усмешка, на миг показавшаяся на губах, доказала, что казаки правы в своих подозрениях.

– Убить предателя! – крикнул кто-то, и сразу же эхом раздалось по всему острову подхваченное «Убить! Убить!».

Слова молвить не успел Матвей, как бросились обезумевшие казаки на проводника и вмиг разрубили его худое тело. Потрясая окровавленными саблями, двинулись на него. Силен был Матвей, двоих сразу положил, остальных скрутить пытался. Но каким богатырем ни был, а казаков несравненно больше, да к тому же потерявших последний разум. В схватке смешались тела, звенели клинки. Кучка убитых осталась на влажной земле, и под ней – тело атамана Матвея.

Огляделись казаки, посмотрели на дело рук своих, медленно в себя приходить начали. Молча сняли шапки, присели на зелено-коричневую поляну, задумались. Атамана нет, проводника нет, провизии тоже. И сил уже нет. И надежды...

Глава первая

Вячеслав Андреевич Гладких проснулся чуть раньше обычного времени: не было еще и семи часов. Немного полежал, наслаждаясь просторными габаритами широченной кровати, перекатился на бок, закинул руки за голову и некоторое время полежал с полуприкрытыми глазами, наслаждаясь тишиной и покоем. Правда, в полном смысле тишиной обстановку назвать было нельзя: из открытого окошка доносился щебет птиц, где-то журчала вода, слегка шумели ветки деревьев, которые ласково шевелил легкий утренний ветерок... Но разве все эти звуки можно было сравнить с назойливыми, нервными шумами мегаполиса?

Гладких повернул голову и посмотрел в окно. Там шелестела зеленая листва, заглядывая к нему в комнату и касаясь подоконника, будто ненавязчиво просилась в гости. Гладких хотелось задержаться в постели, просто полежать вот так, никуда не торопясь и ни о чем не думая. Но, увы, залеживаться было нельзя. Сегодняшнюю ночь он проводил не в своей городской квартире, а в доме, расположенном за пределами МКАД, в Павловской слободе. Гладких специально не стал выбирать для загородного дома такое популярное место, как затертая, крикливая Рублевка. Не хотелось ему привлечения лишнего внимания. После рабочего дня, связанного с постоянным контактом с людьми, хотелось уединения. Павловская слобода тоже, конечно, не отшельническое место, но все-таки поспокойнее. И хотя, приобретая этот дом, он руководствовался своими соображениями, так уж сложилось, что проводил в нем Вячеслав Андреевич не так уж много времени.

В основном здесь жили его дочь с зятем, жена и маленькая внучка. Внучке недавно исполнился год, и на семейном совете было решено, что загородный дом – лучшее место для проживания ребенка. Свежий воздух, натуральные продукты, огромный дом, любящие родители и заботливая бабушка.

«Даже слишком заботливая», – подумал Вячеслав Андреевич, чуть нахмурившись.

Некоторое время назад он осознал, что жена воспринимает его самого как нечто само собой разумеющееся, привычное, при этом позабыв исконное значение слова «муж». Они с Людмилой прожили больше двадцати пяти лет, и прожили совсем неплохо. Вырастили дочь, которую полтора года назад выдали замуж, высоко поднялись в материальном и социальном плане...

Впрочем, последнее относилось все-таки лишь к Вячеславу Андреевичу, поскольку Людмила, хоть и окончила в свое время институт с красным дипломом, по специальности работала лишь до того момента, пока муж не получил должность в Министерстве строительства. Дочери Марине к тому времени было пять лет, и, хотя ее с легкостью можно было устроить в детский сад или нанять няню, Людмила пожелала сама заниматься ее воспитанием.

Эта роль так ей понравилась, что она сохранила ее на долгие годы. И, как понимал Вячеслав Андреевич, уже никогда не расстанется с ней. Закончив с дочерью, Людмила из любящей матери плавно превратилась в любящую бабушку. И вписалась в это амплуа очень удачно – для себя, дочери, внучки и даже зятя. Для всех, кроме Вячеслава Андреевича.

Гладких вспомнился анекдот о том, что для мужчины, ставшего дедушкой, больше всего неприятна мысль, что он спит с бабушкой. Мудрая мораль, между прочим! Но Вячеслава Андреевича эта проблема не коснулась: он не спал с женой. И не потому, что между ними появились какие-то разногласия или тем более конфликты. И совсем не потому, что Людмила перестала следить за собой, отнюдь: жена выглядела молодожаво и ухоженно. Просто Гладких понял, что Людмиле это не нужно. Во всем же остальном их отношения были замечательными. Во всяком случае, он так считал. Он даже не стал с ней спорить по этому поводу, обнаружив в подобном сосуществовании массу преимуществ.

Поначалу он стал ложиться спать в своем кабинете, в котором частенько засиживался допоздна над работой. Людмила не возражала – она сама сильно уставала за день. Потом жена стала все больше времени проводить в загородном доме, туда же перебрались и дочь с зятем и внучкой, так что городская квартира была полностью в распоряжении Вячеслава Андреевича. Почти все время он был там один, и ему это нравилось. Высокая должность хоть и имела неоспоримый ряд достоинств, все-таки сильно утомляла. Вячеслав Андреевич мечтал о покое, и дома он его получал.

Правда, вчера он изменил сложившийся уклад и, поддавшись уговорам жены, заночевал в Павловской слободе. Он приехал туда вечером навестить своих родных, к тому же обсудить с дочерью один вопрос. В последний раз они побеседовали не очень хорошо, и Вячеславу Андреевичу хотелось это исправить. Конечно, он не собирался отступать от своих принципов и идти на поводу у потерявшего голову сопляка, но с дочерью необходимо было наладить контакт. Правда, Марина вела себя так, что поговорить о главном так и не получилось, а потом Людмила загрузила рассказами о новых достижениях внучки, показывала ее бесконечные фотографии, поила травяным чаем и кормила свежей клубникой...

Как ни странно, Гладких ощущал, что прошедшая ночь была одной из лучших за последнее время. Он отлично выспался, свежий воздух из открытого всю ночь окна способствовал отдыху и восстановлению сил. Здесь все было иным, не таким, как в городе, который, казалось, весь был сделан из стекла, бетона и асфальта.

«Может, и впрямь перебраться сюда на лето?» – мелькнула у Гладких мысль, однако он тут же вспомнил о предстоящих проектах, вернулся к реальности, поднялся с постели и отправился в душ. Стоя под прохладными струями, Вячеслав Андреевич уже думал о предстоящих заботах.

Нынешний день у Гладких обещал быть насыщенным, но плодотворным. Сначала текущие дела в министерстве, потом поездка по объектам, заседание оргкомитета, после которого нужно прямиком ехать в пансионат. Но все это привычно и совсем не смертельно.

Заседание оргкомитета было назначено на тринадцать часов, что очень устраивало Вячеслава Андреевича: освобождалась вторая половина дня. Гладких был уверен, что заседание не займет много времени, поскольку все важные вопросы уже были говорены-переговорены, все детали уточнены, а то, что зависело от него лично, он уже сделал. Так что сегодня предстояло лишь подвести итоги и готовиться к самому мероприятию. К тому же дело было в пятницу, так что выходные Вячеслав Андреевич планировал провести за городом, в пансионате «Голубое озеро», и начаться они могли уже сегодня.

Вячеслав Андреевич выдал из большого тюбика гель для душа и принялся растираться мочалкой. При этом он видел свое отражение в зеркале, которое висело во всю стену душевой. Это была идея Людмилы, которая всегда его жутко раздражала. Не любил он видеть себя со стороны, да еще в обнаженном виде. И не то чтобы выглядел уродом, просто как-то неприятно. Вячеслав Андреевич к своим сорока семи годам сохранил довольно неплохую форму – нет ни лысины, ни явной седины. Пусть невысок, но достаточно строен, пузо не выпирает. Конечно, не то что двадцать пять лет назад, когда он был тоненьким мальчиком, но все же по сравнению со своими сверстниками выглядел неплохо. Вон его родственник, Дмитрий Петрович Вахромеев. Всего на семь лет старше, а кажется глубоким стариком, развалиной. Вес за сто килограммов зашкаливает, при том что ростом он явно не вышел. Пузо через ремень переваливается, на нос лезет, растекается, дрожит при ходьбе, как желе. Одышка постоянная, на голове три волосинки, вечно мокрые и блестящие от пота...

Гладких невольно представил себе Вахромеева раздетого в душе и поморщился. Но тут же одернул себя. Черт знает что, какая чушь лезет в голову! С чего бы это? И вообще, на кой ему сдалась внешность Вахромеева? Он ему невеста, что ли? Ему нужно думать, как дальше плодотворно работать в компании Вахромеева, а на остальное должно быть глубоко

наплевать. Вот и в сложившейся ситуации Вахромеев поддержал, был на его стороне. Гладких, конечно, и сам многое может, но с поддержкой такого влиятельного человека все-таки лучше.

Вячеслав Андреевич выбрался из ванной, растерся полотенцем и спустился вниз. Жена уже сидела за столом и совала маленькой Иришке, восседавшей в специальном детском стульчике, ложечку с чем-то бело-розовым. Увидев мужа, Людмила сразу оживленно заговорила, принялась расспрашивать, как муж провел ночь и чем его кормить на завтрак. Вячеслав Андреевич сослался на то, что должен немедленно ехать, наскоро выпил чашку кофе, которую приготовила домработница по настойчивой просьбе Людмилы.

Дежурно чмокнув жену в подставленную щеку, Гладких пошел к своей машине. Черный «Лексус» стоял в гараже. Вячеслав Андреевич вывел его, нажал кнопку пульта, опуская ворота, и выехал на поселковую дорогу, думая о том, что сегодня вечером его снова ждет загородный отдых. Правда, не в собственном доме, а в пансионате.

«А может, послать его подальше, да и в самом деле рвануть сюда? – подумалось Вячеславу Андреевичу. – Сколько раз уже в этом пансионате отдыхал, и каждый раз одно и то же!»

Однако едва он выехал за пределы поселка, как все мысли о прелестях загородного отдыха улетучились окончательно. Гладких вновь погрузился в проблемы руководителя департамента Министерства строительства и коммунального хозяйства столицы.

Прокрутив в голове предстоящие дела и еще раз убедившись, что все они вполне решаемы, Гладких совершенно успокоился и стал думать о предстоящей поездке. Жене он пока еще не говорил о том, что вынужден будет отсутствовать больше месяца. Собственно, он не считал, что это станет проблемой – Вячеслав Андреевич все решал сам, не отчитываясь перед супругой. И беспокоил его сейчас другой момент. За время его отсутствия может многое произойти. А он, находясь далеко, не сможет ни на что влиять. Это плохо. И поручить проследить за ситуацией некому, потому что Вячеслав Андреевич привык стопроцентно доверять только самому себе.

«А может быть, попросить Вахромеева? – подумал он неожиданно, но тут же отбросил эту мысль. – У него своих забот хватает. Ладно, будем надеяться, что ничего серьезного все же не произойдет».

Вячеслав Андреевич подъехал к дверям министерства и посмотрел на часы. Было без пяти восемь. Удовлетворенно кивнув, Гладких припарковал машину и вышел. Щелкнув пультом, включил сигнализацию и двинулся к дверям, на ходу достав мобильный телефон и набрав нужный номер.

– Лазурит Аристархович, у меня все готово. Вы будете?

– Непременно, Вячеслав Андреевич! – тут же отозвался высокий тенор. – В час дня, как и договаривались?

– Да, все без изменений.

– Отлично. Я очень надеюсь, что вопрос будет решен положительно.

– Можете считать, что он уже решен, – произнес Гладких.

– Правда? – Голос взвился до восторженного визга, и собеседник заговорил очень быстро: – Это грандиозно! Это лучшая новость за последнее время! Вячеслав Андреевич, вы чудесник!

– Не преувеличивайте, – снисходительно улыбнулся Гладких.

– Нет, чудесник, – стоял на своем собеседник. – И кроме того, вы очень прогрессивный человек. Хвала небу, что именно вас мне довелось встретить некогда на своем пути. Знайте – вы осчастливили не только меня. Вы осчастливили потомков, ибо благодаря вам, вашему неоценимому вкладу в науку они смогут повысить свой уровень просвещения.

Гладких слегка поморщился от обилия пышных фраз. Собственно, к пафосу Лазурита Аристарховича он давно привык, и манеры чудаковатого профессора его порой даже трогали. Немного осталось таких людей в России, служащих бескорыстно, свято верящих в науку и благородные идеалы. Лазурит Аристархович – своего рода уникум, раритет, такой же, как и его витиеватое, непривычное слуху имя. А тот тем временем продолжал заливаться соловьем, рассыпаясь в благодарностях и строя колоссальные планы.

– И что же? Когда назначена дата? – спросил он, когда немного выдохся после перечисления будущих достижений и вернулся к реальности.

– На конец лета, – ответил Гладких. – Точное время определим сегодня, все вместе. Собственно, все основное уже решено, осталось только обсудить детали. Вот этим и займемся.

– Да. Но мне хотелось бы прямо сейчас зачитать вам кое-что, – возбужденно продолжал Лазурит Аристархович. – Я вчера еще раз покопался в справочниках и вот что обнаружил...

– Потом, Лазурит Аристархович, – мягко, но решительно прервал его Гладких, уже утомленный бурными эмоциями собеседника. – Сегодня в час. До встречи!

И, нажав кнопку отключения связи, прошел в здание Министерства строительства. поприветствовал секретаршу, которая уже была на месте, и вошел в свой кабинет. Едва он устроился за своим столом, как зазвонил телефон. Гладких снял трубку.

– Вячеслав Андреевич, Мищенко беспокоит, – услышал он голос своего помощника.

– Слушаю, – отозвался Гладких.

– Я хотел бы спросить, вы сегодня весь день будете?

– Нет, у меня много дел, которые требуют присутствия в других местах, – ответил Вячеслав Андреевич. – В частности, заседание оргкомитета, после которого я уже не вернусь к себе. Так что, если у вас срочное дело, можете зайти прямо сейчас. Зайдете? Хорошо, жду.

* * *

...Олег Николаевич Мищенко вышел из кабинета Гладких и направился по коридору. Дойдя до одной из массивных дверей, толкнул ее и вошел в приемную.

– Катя, нас с Геннадием Алексеевичем не тревожить в ближайшие пятнадцать минут, – бросил он секретарше, которая тут же ответила:

– Хорошо, Олег Николаевич.

Мищенко удовлетворенно кивнул и прошел в кабинет. Шмыгайловский сидел за своим столом и просматривал какие-то бумаги, плотно придвинув к глазам очки в золотой оправе. При появлении Мищенко он поднял голову и вопросительно посмотрел на него. Перед ним стоял невысокого роста лысоватый человек с бегающими глазами.

– По интересующему нас вопросу, – сказал Олег Николаевич.

Шмыгайловский сдвинул очки на кончик носа и жестом предложил Мищенко присесть. Опустившись в кресло, тот сказал:

– Насчет Клебанова положение все то же. Но, кажется, я придумал выход.

Шмыгайловский внимательно посмотрел на него и коротко спросил:

– Какой?

Мищенко покосился на дверь, после чего уклончиво проговорил:

– Не здесь и не сейчас. Могу только сказать, что после заседания он уезжает в пансионат. Тогда можем и все обсудить.

Шмыгайловский собрался что-то ответить, но в этот момент у него зазвонил сотовый телефон. Он взглянул на экран и негромко произнес:

– Клебанов. Легок на помине!

После чего включил связь. Слушая нетерпеливый голос собеседника, поморщился и твердо проговорил:

– Успокойтесь, Виктор Станиславович. Я сейчас не могу говорить, я на совещании. Перезвоню вам вечером. Да, сам перезвоню.

И он положил трубку.

Взглянув на Мищенко, Шмыгайловский сказал:

– Вечером нужно все как следует обсудить. Но лучше не здесь. Зайдите ко мне перед уходом, часов в пять.

– Хорошо, Геннадий Алексеевич, – кивнул Мищенко.

...В половине четвертого Вячеслав Андреевич вышел из здания института, где происходило заседание оргкомитета. Вид у него был слегка утомленный, но в целом довольный. Спускаясь по ступенькам, он думал о том, что, пожалуй, на сегодня дела можно считать законченными и отправляться в пансионат.

– Вячеслав Андреевич! – услышал он сзади голос и обернулся. – Пойдите!

Его догонял, неуклюже семеня и торопясь, невысокий седенький старичок с треугольной бородкой, в очках и с выдавшим виды портфелем под мышкой. Однако передвигался он для своих лет весьма шустро и вообще выглядел оживленным. Старичок догнал Гладких, цепко ухватил его за локоть и возбужденно заговорил:

– Слава богу, все утрясено! Спасибо тебе большое, Слава! – и затряс обеими сухонькими руками кисть Гладких.

– Не за что, Лазурит Аристархович, – улыбнулся Гладких, пытаясь отстраниться.

– Еще только один вопрос, Слава. Ты сказал, что все необходимые средства уже выделены, верно?

– Абсолютно, – кивнул Гладких. – Я лично об этом позаботился.

– Скажи, а когда они поступят на наш счет? Нужно уже начинать подготовку. Теоретически у меня все готово, но ведь материальные затраты предстоят весьма существенные. Разумеется, они все окупятся, ты понимаешь...

– Я все понимаю, Лазурит Аристархович, не беспокойтесь. В понедельник я вернусь и дам распоряжение. Деньги сразу же будут перечислены, в течение недели они точно поступят на ваш счет. Это же не критический срок?

– О, разумеется, нет! – просиял старичок и снова принялся трясти руку Гладких. – Спасибо тебе, Слава! Я никогда в тебе не сомневался.

– Не за что, не за что. – Гладких уже не терпелось сесть в свою машину. Он, уже решивший все проблемы, теперь думал об отдыхе, и остальное его не волновало до понедельника.

Быстренько отделившись от старичка, Гладких проследовал к своему «Мерседесу», припаркованному неподалеку от здания. Сев на сиденье, он бросил водителю:

– Сначала домой переодеться, затем в пансионат.

Водитель кивнул и завел двигатель. Гладких немного подумал, потом достал свой сотовый телефон и набрал номер:

– Олег Николаевич? Меня не будет до понедельника, я уезжаю в пансионат. Да, только что с заседания. Все решено. Значит, в сентябре вам придется взять на себя часть дел, потому что я буду отсутствовать. Поэтому в понедельник с утра загляните, пожалуйста, ко мне, я заранее вам дам соответствующие инструкции, чтобы вы успели подготовиться. Ну, вот и отлично.

Гладких убрал телефон, откинулся на подголовник и погрузился в легкую дремоту. Мыслями он уже был на отдыхе.

Мищенко же, закончив разговор с Гладких, немедленно снова набрал номер. Услышав голос Шмыгайловского, негромко произнес:

– Геннадий Алексеевич, можете звонить Клебанову. Гладких нам не мешает. Что? Потому что его не будет. Да, гарантированно. Нет, вечером он будет в пансионате. Подробности позже.

– Понял, – после паузы прозвучал голос Шмыгайловского. – Только Клебанову позвоните сами.

– Ладно, – сказал Мищенко и тут же перезвонил.

Услышав голос Клебанова, произнес:

– Виктор Станиславович, можете расслабиться. Это уже не проблема. Точнее, она будет устранена в ближайшее время. Да, я вам точно говорю.

И, первым закончив разговор, Мищенко убрал телефон в карман. Пройдя по коридору в свой кабинет, остановился и посмотрел в зеркало, висевшее на стене. Оно отразило лукавую мордочку с маленькими бегаящими глазками, скрытыми за очками с затемненными стеклами. Мищенко подмигнул собственному отражению и осмотрел свою довольно хлипкую фигуру с головы до ног. Взгляд его был многообещающим... Затем он подошел к своему столу, снял трубку и произнес:

– Анастасия Владимировна, меня сегодня не будет. Я уезжаю. До понедельника.

* * *

Едва приехав в пансионат, Вячеслав Андреевич моментально почувствовал умиротворение и покой. С одной стороны, это было похоже на ощущения, которые он испытал в Павловской слободе, но все же чувства были иными. В «Голубом озере» не было того чувства уединения, что в поселке. Зато здесь были свои преимущества – качественный сервис, развлечения, общение. Сейчас, правда, было еще рановато, и основная масса отдыхающих еще не приехала. Площадка перед пансионатом была пуста, но стол уже стоял, и прислуга начала потихоньку накрывать его.

Сразу же перед Гладких возник администратор, улыбаясь во весь рот, долго приветствовал – дольше, чем нужно. Задавал формальные вопросы о самочувствии, делах и тут же вывалил целый ворох предложений, чем заняться до ужина.

– Пожалуйста, лодочные прогулки, водный мотоцикл, матрас? – частил он.

Гладких хотелось спокойного отдыха, поэтому он вежливо отказался.

– Тогда не желаете ли массаж? Отлично повышает тонус, поднимает настроение. Кстати, у нас новая массажистка, обучалась в самом Таиланде, – заговорщицки подмигнул ему администратор. – Не пожалеете!

– Благодарю, может быть, позже, – снова отказался Гладких. – Пока что я хотел бы пройти к себе в номер.

Администратор кивнул носильщику – молодому парню в униформе, – тот быстро подхватил сумку у Гладких и понес ее в холл пансионата. Бесшумно открылись двери лифта, и он повез Вячеслава Андреевича на четвертый этаж, где находился номер, который тот неизменно снимал уже в течение нескольких лет. Возле дверей Гладких кивнул носильщику и взял у него сумку, сказав, что внесет ее сам. Небрежно сунул ему сотенную купюру. Носильщик почтительно склонился. Когда чиновник исчез за дверью номера, посмотрел на купюру, скривил губы и небрежно сунул ее в карман.

Гладких поставил сумку на пол, раскрыл и достал костюм, приготовленный специально для отдыха. В отличие от остальных своих коллег он не позволял себе даже на природе облачаться в легкомысленные шорты и майки – он всегда носил рубашку и брюки, а если становилось прохладно, накидывал пиджак. Приготовив одежду, он прошел в душ.

После душа Гладких решил выйти на свежий воздух. В самом деле, не для того же он сюда приехал, чтобы торчать в четырех стенах, они ему в городе надоели: то рабочий

кабинет, то квартира. Подспудно Вячеслав Андреевич ощущал, что его тянет вниз еще и потому, что он ждет одного человека. Не то чтобы сильно волнуется, но все же без него ему было бы не так комфортно, хотя их встреча и пройдет не в том качестве, к которому он привык.

Гладких спустился вниз и прошел к столу. Однако садиться за него было еще рано, и он устроился в шезлонге неподалеку с журналом в руках. Отдыхающие постепенно прибывали. То и дело слышались звуки автомобильных гудков, открывались и закрывались ворота. Мимо проходили люди, приветствовали его. Гладких кивал, одним глазом из-за журнала поглядывая на вход. Наконец подъехал серебристый «Лексус», и Гладких подавил вздох облегчения. Однако сразу же укрылся журналом и принял равнодушно-отрешенный вид. В шезлонге он просидел, пока к нему не подошел молодой человек с темными, приглаженными с помощью геля темными волосами и не сказал:

– Вячеслав Андреевич, ужин. Вы идете?

– Разумеется, Виталий, – кивнул Гладких, откладывая журнал. – И ты, значит, решил отдохнуть?

– Да вот, решили. С супругой, – в ответе молодого человека Гладких послышались вызывающие нотки.

«Что это с ним? – подумал он. – Неужели бунтовать начал?»

Впрочем, для бунта это была слабоватая реакция. И все же, с чего он начал отвечать так дерзко? Уж, казалось бы, Вячеслав Андреевич и так делает предостаточно, чтобы Щелоков катался как сыр в масле. Ладно, это, наверное, просто нервы! В конце концов, ничего особенного тот ему не сказал.

Гладких проследовал к столу и не спеша устроился в кресле. Ужин, как и всегда в «Голубом озере», был отменным. Без особых изысков, но все же на высоком уровне. Гладких был уверен, что во многом это было заслугой Константина Ивановича, пожилого бессменного повара, который служил в пансионате еще в былые времена, когда он был закреплен за партийными функционерами.

Поговаривали, что Константина Ивановича «открыл» сам Леонид Ильич Брежнев, когда однажды, приехав в какую-то глубинку с дружественным визитом, пришел в обычную столовку, чтобы продемонстрировать неразрывную связь и близость с народом. Там он попробовал рядовых котлет – традиционного в те времена блюда общепита – и сразу же потерял голову от их изумительного вкуса. Поинтересовавшись, кто их готовит, с удивлением узнал, что это недавний выпускник местного кулинарного училища Костя Зотов. Леонид Ильич не поленился пройти на кухню и выразить Косте личную благодарность, а после перевел его в Москву.

Вячеслав Андреевич относился к этой легенде как к обычной байке, но к Константину Ивановичу испытывал уважение. Тот действительно готовил вкусно и умел прекрасно держаться на публике – без лакейской угодливости и в то же время почтительно.

Когда перешли к десерту, Гладких вдруг обратил внимание, что Щелоков что-то крепко налегает на спиртное. Да и он сам, признаться, выпил лишнего. Вообще-то, Гладких был малопьющим человеком. Он видел, что Щелоков поглядывает на него все более и более недружелюбно. Глаза Виталия покраснели, лоб вспотел. Его жена ерзала на стуле, смотрела к себе в тарелку и совсем не слушала, что без умолку трещит над ухом ее подруга Дарья.

...Скандал грянул неожиданно. Гладких сам не заметил, когда он успел столько выпить. Он даже не слышал предысторию, до его ушей донесся только конец фразы, брошенной Виталием Щелоковым:

– ...своим заместителем.

– Это ты обо мне, Виталий? – повернулся вдруг к нему Гладких.

Щелоков поднял на него глаза. Сначала в них было удивление, потом они вдруг налились враждебностью, и Щелоков, пьяно ухмыльнувшись, произнес:

– А что, я ваш заместитель, да? А я думал, что это вы мой заместитель. Вы порой меня очень удачно за-ме-ща-ете! – Последнюю фразу Щелоков выговорил с трудом.

Мгновенно повисла пауза, и весьма неловкая. Гладких чувствовал, как внутри него закипает ярость. Этот мальчишка совсем потерял и голову, и понятия о приличиях! Он хотел одернуть нахала, поставить на место, но тут вмешалась Наталья. Схватив мужа за рукав, красная, как креветка с салате, она сказала:

– Виталий, что ты несешь? Ты пьян!

Щелоков вырвал руку и, глядя на жену со злобой, добавил:

– Отстань!

Гладких тяжело поднялся со стула, резко отодвинув его. Наталья, переведя на него взгляд, вдруг нервно проговорила:

– Вячеслав Андреевич, шли бы вы отсюда!

Эта фраза взорвала Гладких. С какой стати она тут диктует ему? И с чего это Виталий как с цепи сорвался? Наверное, сама дала повод! Они с этим пареньком всегда ладили. Эх, бабы, бабы, народ пустоголовый! Видимо, ревность пыталась вызвать, вот и ляпнула лишнего, иначе Щелокову и в голову бы не пришло что-то подозревать. Обычно сдержанный, на сей раз Вячеслав Андреевич не утерпел. Посмотрев в круглые глаза Натальи, внятно произнес:

– Дура!

Виталий рванулся было к нему, но тут повскакали с мест отдыхающие, со всех сторон удерживая Щелокова и уговаривая успокоиться. Наталья прыгала перед ним, лепеча какие-то оправдания, и это еще больше взбесило Гладких. Постояв несколько секунд, он поймал взгляд Натальи и холодно процедил:

– Надеюсь, у вас обоих включатся наконец мозги!

И, круто развернувшись, зашагал к пансионату.

* * *

Полковник Лев Гуров закончил писать отчет, убрал его в стол и посмотрел на часы. Было шесть часов пятнадцать минут пятницы, рабочий день уже закончился, и сдать отчет Гуров планировал завтра. Он был спокоен: срочные дела были благополучно завершены, все материалы переданы в прокуратуру, а новых пока не было. Собственно, можно было с чистой совестью отпрашиваться домой, что ему и предлагал настойчиво сделать друг и коллега Станислав Крячко, тоже полковник и тоже опер по особо важным делам.

Гуров и Крячко делили один кабинет уже долгие годы работы в Главном управлении МВД, вместе раскрывали преступления, и все эти годы их связывали еще и дружеские отношения. По сути, кроме Крячко, у Гурова и не было близкого друга. Разве что генерал-лейтенант Орлов Петр Николаевич, который возглавлял главк и был непосредственным начальником Гурова и Крячко. Он был старше лет на десять, невысок, коренаст и внешне являл собой яркий контраст по сравнению с Гуровым – высоким, подтянутым, элегантным, с аристократическими чертами. Ботинки его всегда были начищенными, одежда – отглаженной, щеки гладкими от регулярного бритья, а походка – легкой и пружинистой.

Полковник Крячко был попроще: тоже высокий, но грузный и даже несколько неуклюжий, передвигался он часто вперевалочку, выпятив ставший довольно внушительным живот. При этом в физической силе Крячко, пожалуй, не уступал Гурову. Что же касается особенностей интеллекта, то и они у сыщиков были различными. А следовательно, отличались и их методы расследования, подход к делу.

Гуров – прирожденный аналитик, психолог и мыслитель. Обладая превосходной памятью и наблюдательностью, он фиксировал в голове все нюансы, возникающие в процессе расследования. Моментально замечал несоответствия в показаниях, умело сопоставлял детали, чувствовал внутреннюю сущность человека. Обмануть, провести его было весьма сложно.

Роль простачка в исполнении Крячко была липой чистой воды. Кем-кем, а простаком Станислава никак нельзя было назвать. Он обладал здоровой хитростью и смекалкой, так свойственной русскому мужику. Одевался он просто и порой выглядел даже запущенным, на чистоту обуви плевать хотел, а все аристократические манеры Гурова презрительно называл пижонством. При этом ум Крячко был практическим. Он всегда готов был к действию и в сложной ситуации умел реагировать мгновенно, сбивая с толку преступника своими мнимыми нерасторопностью и простодушием.

Он не обладал такой базой теоретических знаний, как у Гурова, но в работе со свидетелями ему не было равных: Крячко умел «разговорить» практически любого человека – что называется, не мытьем, так катаньем. Ему легко удавалось втереться в доверие, поскольку многих вводили в заблуждение его простоватый вид и дружелюбная улыбка.

Словом, Гуров и Крячко давно уже составляли замечательный тандем как в профессиональном, так и в дружеском плане. Они часто встречались помимо работы, а в процессе расследования вообще очень здорово дополняли один другого, с успехом раскрывая самые запутанные преступления. При этом на виду всегда был блестящий Гуров, сыщик от бога, а Станислав волею судьбы находился в тени своего друга.

Однако такая кажущаяся несправедливость была лишь видимой. На самом деле и Гуров, и Орлов высоко ценили Станислава, просто знали, что применять свои навыки каждому следует в определенной ситуации, подходящей именно ему. Станислав никогда не завидовал другу, хотя в управлении было немало сотрудников, испытывавших к полковнику именно такие чувства. Сам Гуров не то чтобы страдал от этого, но, конечно, осознание подобных вещей было ему неприятно. И тут огромную поддержку ему оказывали как раз Орлов с Крячко.

С генерал-лейтенантом отношения у сыщиков тоже были своеобразными. Хоть формально он и был их начальником, оба всегда принимали решения, руководствуясь собственными принципами и соображениями. Что греха таить, иногда им приходилось делать это вопреки пожеланиям Орлова, а порой и за его спиной. И оправданием их действиям служил положительный результат. И в совокупности с дружбой это заставляло Орлова периодически прикрывать своих подопечных. Он знал, что в конечном итоге они окажутся правы. Результат оправдывал все, а в своих сыщиках Орлов не сомневался.

Всякое случалось за долгие годы службы, порой и Гуров, и Крячко, да и сам Орлов буквально висели на волоске. Но все же их профессионализм, принципиальность и готовность стоять друг за друга помогали переносить трудности и избегать неприятностей.

Гуров оторвался от своих мыслей, почему-то пришедших ему в голову именно сейчас, когда обстановка в управлении была мирной и ни с какой стороны не веяло бурей. Попутно он уловил, что Крячко уже несколько минут что-то бубнит.

– Так чего ты здесь торчишь? – долетела до его уха последняя фраза Станислава, который в течение всего времени пытался убедить Гурова поехать вместе домой.

– Да мне торопиться некуда, – наконец отозвался Лев. – Я обещал Марии заехать за ней после спектакля, так что у меня еще почти три часа в запасе.

– Ну и поехали! – с жаром продолжил Крячко. – Для чего тебе проводить их здесь?

Жена Гурова Мария служила актрисой в театре. Как это чаще всего бывало, нынешний ее вечер был занят спектаклем, который заканчивался в девять часов. Потом поздравления, цветы, овации, затем Мария переодевалась в гримерке, избавлялась от грима и немного

приходила в себя – все как обычно. И это означало, что раньше половины десятого делать в театре Гурову было нечего. Он планировал заехать домой ближе к восьми, переодеться и принять душ, а уже потом поехать за супругой и повезти ее куда-нибудь в кафе – ужинать одному ему не хотелось. К тому же на работе было затишье в делах, и сыщику хотелось немного расслабиться и отдохнуть и побаловать тем же свою жену.

Гуров высказал все это Станиславу, и Крячко, вздохнув, развел руками:

– Ну, как знаешь. А я, пожалуй, отправлюсь. Жена холодца наварила, так что у меня желудок уже сжимается в предвкушении... Кстати, если хотите приехать с Марией на холодец – милости просим! Ты знаешь, моя жена готовит не хуже шеф-повара любого ресторана. Правда, всяких там суши, роллов и прочих эскабече ты у нас не увидишь, но отобедаешь на славу.

Крячко в гастрономическом плане был яростным патриотом. Он не признавал никаких новомодных заморских блюд, предпочитая картошку с мясом, пельмени, вареники, а излюбленным его блюдом был борщ на наваристом бульоне из грудинки.

– Соблазняешь, змей-искуситель! – засмеялся Лев.

– А то! – довольно ответил Крячко. – Это у вас в доме отродясь никто нормальной пищи не сварит. Привыкли полуфабрикатами питаться. У нас хоть поужинаете по-человечески.

– Да уж, варить холодец в такое время года нам как-то в голову не придет, – согласился Гуров.

На дворе царил июнь – чудное время цветения, ароматов и заманчивых перспектив отпуска. Для мучительной жары было еще рано, даже ночи еще были наполнены прохладой и свежестью, и Гуров, хоть и не был от природы сентиментальным человеком, совсем не хотел тратить столь дивное время на приготовление холодца. А Марию и вовсе тянуло на романтику. Но позволить себе романтическое путешествие полковник не мог, поскольку толком еще не знал, удастся ли ему получить отпуск летом, поэтому был рад возможности хотя бы провести вечер в кафе. Честно говоря, ему хотелось побыть с женой наедине, поэтому он отверг заманчивое предложение Станислава.

Крячко, поняв, что есть холодец ему придется в узком семейном кругу, сгреб в угол свои бумаги, ворохом рассыпанные по столу, отсалютовал Гурову и небрежной походкой направился к выходу. У двери он еще раз обернулся, посмотрел, как Лев сосредоточенно перечитывает один из документов, усмехнулся и вышел в коридор. Ему находиться в управлении в отсутствие срочных дел не было никакого резона.

Гуров же достал из стола книгу – исторический роман, который с первых страниц показался ему достаточно занимательным и правдоподобным. Времени читать художественную литературу у полковника почти не было, все его съедали рабочие материалы, отчеты, указы и протоколы. А дома на чтение уже не оставалось сил, вот он и притащил книгу в кабинет в надежде, что удастся прочесть ее в перерывах между работой. Такие интервалы, к сожалению, выдавались нечасто, и Гуров отметил, что последний раз открывал книгу довольно давно и топчется на одной странице уже третий месяц. Он углубился в чтение, увлекся и не заметил, как пролетели полтора часа.

Захлопнув книгу, Гуров поднялся, запер кабинет и прошествовал к лестнице. Дежурный козырнул ему и проводил взглядом, который можно было расценить и как уважительный, и как недоумевающий. Полковнику порой приходилось засиживаться в кабинете и до более позднего времени, но это обычно в случае работы над каким-то важным делом. Когда же ситуация позволяла, он мог и уйти пораньше, никому особо не докладываясь.

Гуров сел в машину и повел ее в сторону дома. Нельзя сказать, что пробки полностью рассосались – такого Лев давненько не мог припомнить. А Крячко вообще был убежден, что в Москве просто не бывает такого периода, чтобы они отсутствовали. Его даже подмывало заключить пари с Гуровым, чтобы приехать в три часа ночи, скажем, на Волгоградское шоссе

и убедиться, что там по-прежнему выстроена чередой автомобилей с мающимися за рулем водителями. Однако Лев не поддавался на провокации, хотя пари было довольно заманчивым и Гуров имел большие шансы на выигрыш. Причина отказа была в том, что Крячко обладал уникальным даром даже при стопроцентном выигрыше противника поворачивать ситуацию так, что все равно выходил правым. И Гуров предпочитал не связываться с закадычным другом, относясь к его особенностям снисходительно.

На дорогу у него ушло меньше часа, и Лев посчитал это более чем удовлетворительным результатом. Дома он не стал долго задерживаться, желая побыстрее поехать в театр. Гуров ощущал, что мыслями уже находится рядом с Марией, и в который раз почувствовал, насколько мало им удастся побыть вдвоем. Даже когда он приезжал в театр на спектакли, в которых была задействована его жена, он думал, что в эти минуты она как бы не принадлежит ему одному. Что она по частичкам раздает себя всем зрителям.

– А ты считай, что я играю для тебя одного! – говорила на это Мария. – Я, кстати, всегда вижу тебя в зале, даже если ты не предупреждаешь о приезде. И тогда начинаю играть лишь для одного зрителя.

– Ты, как всегда, меня обманываешь, – смеясь, отвечал Гуров.

– Ты сам обманываться рад! – парировала жена.

В диалогах Гурова и Марии в последние годы все чаще проскальзывала ирония по отношению друг к другу. Но ирония эта отнюдь не была злой или язвительной: просто и Гуров, и его жена не были особо сентиментальными людьми. Свои чувства они обычно выражали в шутливой форме, но оба знали, что за этим стоит настоящая глубина и прочность.

Однако сейчас Гуров чувствовал потребность сделать для жены что-то особенное. Конечно, можно было купить букет роз, что он и сделал, заехав по дороге в цветочный магазин. Но этого ему показалось мало: цветы Мария и так получает регулярно целыми охапками. Конечно, получить букет от любимого мужа куда приятнее, чем просто от поклонников, и все же Гурову хотелось как-то еще выразить свои чувства. Не придумав ничего лучше – время уже поджимало, – полковник проехал в небольшой магазинчик, торгующий качественной парфюмерией, и купил для Марии флакончик духов...

Ресторан был довольно маленьким – Гуров не любил заведения, где скапливается большое количество народа. Он вообще предпочитал проводить время с супругой наедине, но раз уж так сложилось, то лучше выбрать малолюдное место. Они сидели за столиком у окна, тонированного таким образом, что им было видно все происходящее на улице, а снаружи, наоборот, они были невидимы для окружающих.

Гуров взял меню и протянул его Марии, предлагая ей сделать выбор. Та равнодушно скользнула по нему взглядом.

– Тебе же прекрасно известны мои вкусы, – заметила она.

– А мне хотелось создать иллюзию новизны. Что мы с тобой недавно познакомились и только учимся познавать друг друга, – улыбнулся он.

Тут подошел официант, и Гуров вопросительно посмотрел на жену. Та назвала выбранные блюда, и он последовал ее примеру.

– Не думаю, что это иллюзия, – неожиданно серьезно ответила Мария, когда официант удалился, и почему-то вздохнула. – Знаешь, я считала, что давно успела тебя изучить. И в то же время мне иногда кажется, что я тебя совсем не знаю. Я вообще думаю, что понять тебя до конца не подвластно никому. Ты – человек-загадка. И может быть, в первую очередь для себя самого.

– В первую очередь – для своего начальства, – пошутил Гуров. – Орлов, например, считает меня непредсказуемым. Говорит, никогда не знаешь, что ты выкинешь на этот раз!

– В этом он прав, – согласилась Мария. – И все-таки в одном он уверен на сто процентов!

– В чем же? – приподнял бровь Гуров.

– В том, что самое трудное дело можно безбоязненно поручить только тебе.

– Ты мне льстишь, – Гуров улыбнулся шире, но было видно, что ему приятна такая оценка. – И, кстати, благодари бога, что тебя не слышит сейчас Крячко. Его возмущению и даже оскорблению не было бы предела!

– Неправда, Станиславу прекрасно известно, как я его уважаю.

– Да, но лучшим сыщиком ты считаешь меня.

– Так ведь это ты мой муж, а не Станислав, – лукаво подмигнула ему Мария.

– Тогда получается, что ты необъективна.

Мария не успела ответить: у Гурова зазвонил сотовый телефон. Он слегка удивленно пробормотал: «Кто бы это мог быть?», потянулся к карману и констатировал, взглянув на экран:

– Петр.

Мария моментально нахмурилась.

– Не бери! – немного резковато отреагировала она.

– Лучше ответить. Наверняка ничего серьезного, – успокоил ее муж, нажимая кнопку соединения.

– Лев? – Голос генерал-лейтенанта звучал совершенно обычно, и все-таки Гуров интуитивно уловил, что Орлов беспокоит его в одиннадцатом часу вечера не для того, чтобы поинтересоваться самочувствием.

– Слушаю, – ответил Гуров. – Только, если можно, побыстрее – я культурно отдыхаю с супругой.

– Сожалею, Лева, но мне придется прервать твой отдых, – непреклонным тоном произнес Орлов.

– Петр, хотя бы раз ты позвонил во внеурочное время, чтобы сообщить мне что-нибудь приятное! – воскликнул полковник.

– Такое уже бывало, и не раз, – заметил генерал-лейтенант. – Например, когда я поздравлял тебя с получением нового звания.

– Неужели ты хочешь сообщить, что мне дали генерала? – усмехнулся Гуров.

– Всему свое время, Лева, всему свое время, – со вздохом произнес Орлов. – А пока дела рабочие. Убийство у нас, Лева.

– Петр, у нас каждый день убийства, – попытался откреститься Гуров, все еще надеясь, что вечер удастся спасти.

– И что, я каждое из них тебе поручаю? – строго спросил Орлов. – Не ершишь, Лева, дело действительно серьезное. Звонили из пансионата «Голубое озеро», там человек разбился. Выпал из окна...

– А при чем тут я? – спросил Гуров. – Если он сам выпал?

– А вот это еще неизвестно. Пансионат этот, Лева, непростой. Предназначен он в основном для администрации города и прочей чиновничьей элиты. Сегодня эта элита там культурно отдыхала – прямо не хуже тебя. Только отдых закончился плачевно...

– Тоже прямо как у меня, – не в силах скрыть раздражения, сказал Гуров. – Ладно, кто представился-то?

– Некто Гладких Вячеслав Андреевич, – сообщил Орлов. – Незнакома тебе такая фамилия?

– Нет, – отрезал Гуров. – Я не вхож в элитарные круги.

– Не скромничай, Лева... Словом, ляды точить некогда, нужно отправляться в этот самый пансионат. Группа уже выехала, отправляйся своим ходом. Прямо сейчас. Больше

тебе ничего сказать не могу, потому что сам ничего толком не знаю. На месте разберешься. – Орлов помолчал и заговорил доверительно: – Лева, если ты определишь, что труп не криминальный, тут же рапортуй мне, и можешь с полным основанием возвращаться домой, к дражайшей супруге, которой мои самые теплые приветствия!

– И вас туда же... – мрачно бросила Мария, которой было хорошо слышно, что говорит Орлов.

– Она тебя тоже приветствует, Петр, – сдержав улыбку, сказал Гуров.

– Слышу, слышу, – засмеялся Орлов. – Можешь передать ей трубку – я готов принести ей самые искренние извинения.

– Лучше не стоит, – предусмотрительно сказал Гуров. – Иначе ты можешь услышать не совсем те слова, к которым привык.

– Лева, за годы работы я привык ко всему, – хмыкнул Орлов. – И поверь, мне совсем не улыбается срывать тебя с места ближе к ночи. Но сам понимаешь, будь дело пустяковым, я бы тебя не потревожил.

– Да все я понимаю, – отозвался Гуров. – Где находится-то этот пансионат?

– На Клязьминском водохранилище.

Орлов продиктовал координаты, Гуров запомнил их, после чего спросил:

– Крячко брат?

– Возьми на всякий случай, – решил Орлов. – В принципе, до выяснения можно было и одному справиться, но, если выяснится, что это все-таки убийство, тебе придется нелегко. Там полно народа из числа отдыхающих, каждого нужно опросить... А кто у нас, как не Крячко, умеет душевно разговорить свидетеля? Так что с ним тебе будет сподручнее.

Гуров кивнул самому себе, попрощался с Орловым, сказав, что свяжется с ним, когда осмотрит место преступления и будет готов сделать какие-то предварительные выводы. Убрав трубку в карман, он посмотрел на Марию. Та сидела с отсутствующим видом и расстроенно барабанила пальцами по столу.

– Маша, мне, собственно, нечего тебе объяснять, потому что ты сама все слышала, – начал Гуров. – Могу добавить только, что мне самому ужасно жаль.

– Твоя проклятая работа постоянно стоит между нами! – наконец проговорила Мария.

– Так же, как и твоя, – мягко заметил Гуров. – И мы оба понимаем, что так будет всегда... По крайней мере до того момента, пока мы не станем совсем старенькими и дряхлыми и нас не попрут наконец на пенсию, потому что сами мы не уйдем.

– Я не доживу, – бросила Мария и поднялась. – Пошли.

В это время принесли заказ.

Глава вторая

До пансионата «Голубое озеро» Гуров добрался меньше чем за час. Пробки уже схлынули – можно было смело заключить пари с Крячко. Мария, несмотря на внешнее недовольство, и на этот раз проявила свойственные ей мудрость и великодушие. Она не стала капризничать и настаивать, чтобы муж отвез ее домой. Наоборот, сказала, чтобы он спокойно отправлялся, а она отлично доберется до дома на такси. Гуров благодарно поцеловал ее, посадил в машину и отправился по Дмитровскому шоссе. Попутно он позвонил Крячко, кратко изложил ему ситуацию и договорился встретиться с ним на пересечении с Большой Академической, чтобы подхватить там его и отправиться в пансионат вместе на гуровской машине.

Нельзя сказать, что Станислав был счастлив, однако Гуров проговорил:

– Единственное, что для меня есть приятного во всей ситуации, – так это то, что ты тоже едешь.

– Тебя так радует предстоящая встреча со мной, Лева? Ты меня растрогал прямо до слез! – произнес Крячко.

– Да ничуть она меня не радует, ты мне в кабинете надоел. Просто доволен, что не мне одному испортили вечер. Вот прямо представляю, как ты сейчас как раз, набив живот холодцом, возлежишь на диване перед телевизором и смотришь какой-нибудь пошлый футбол. Да еще, поди, с пивком холодненьким... А тут я: «Подъем, Станислав, боевая тревога!»

– У тебя всегда были садистские наклонности. Поэтому тебе хорошо удастся ловить особо жестоких преступников – ты их задницей чуешь, – отрезал Крячко и положил трубку.

Гуров убрал телефон и направил машину дальше по шоссе. Когда он подъехал на Большую Академическую, Крячко уже стоял на улице, и вид у него был такой, словно он только что повстречал своего злейшего врага, на которого точит зубы уже много лет, но, как назло, забыл дома оружие.

– Признавайся, задействовать меня – твоя идея? – резко рванув ручку дверцы и плюхаясь на сиденье рядом с Гуровым, грозно прорычал он.

– Тебе известно, Станислав, что я лицо подневольное, – развел руками Гуров. – Всем у нас Петр Николаевич ведает.

– Ага, рассказывай! – огрызнулся Крячко, принципиально не накидывая ремень безопасности на свое выпирающее пузо. – Вот пусть тебя оштрафуют, тогда настанет мой черед радоваться.

Гуров, посмеиваясь, повернул руль, съехал с шоссе и направил машину на проселочную дорогу. Все время Станислав делал вид, что дуетесь, постоянно ворчал и демонстрировал, что едет только для галочки, исполняя прихоть Гурова, а сам и пальцем не пошевелит, чтобы разбираться со смертью «какого-то там бумагомарателя!».

– Как, говоришь, пансионат называется? – спросил он Гурова.

– «Голубое озеро», – спокойно ответил Лев.

Крячко презрительно хмыкнул:

– Вот-вот! И название-то стремное... Приличное заведение так не назовут.

– Ну, вообще-то, это пансионат для чиновничьей элиты, – повторил Гуров слова Орлова. – И потом, каждый мыслит в меру своей испорченности, как известно.

– Вот я и мыслю как типичный опер. Меня испортила наша правоохранительная система.

– Подай протест в ООН, – посоветовал Гуров, которого уже утомили пустые пререкания с Крячко, который явно был не в духе и придирался к чему попало.

Однако, едва они прибыли на место и Крячко нехотя вылез из машины, Гуров заметил, что его друг внимательно скользит вокруг своими цепкими глазами и наверняка замечает нужные детали. Гуров и сам при беглом ознакомительном осмотре, пока шел от машины к зданию, отметил следующее: здание пансионата имело четыре этажа, двор вокруг него был квадратной формы, фонари горели по всей территории, но свет их был довольно тусклым, и разглядеть, что происходит, скажем, метрах в десяти, было уже проблематично.

– Фонари у нас снабжены двумя лампами, – объяснил Гурову администратор пансионата Алексей Михайлович Шишкин – невысокий, щупленький человек с густыми черными усами, которые резко контрастировали с его обликом. Усы эти были, пожалуй, самой выдающейся деталью его лица. – Одни – яркие, для отличного освещения. Те, что горят сейчас, – для создания, так сказать, уютной приватной атмосферы.

Гуров кивнул, слушая администратора, и внимательно посмотрел на него.

Шишкин первым вышел навстречу Гурову и Крячко, услышав шум подъехавшего автомобиля. Даже не то что вышел, а буквально выбежал. Он изо всех сил старался держаться спокойно, но было заметно, что он сильно нервничает. Периодически он доставал из кармана легкого светлого пиджака платок и промокал им начинающую лысеть голову.

– Группа прибыла? – спросил тем временем у него Гуров и получил отрицательный ответ.

Крячко стоял чуть поодаль, поглядывая по сторонам. Людей не было видно, хотя во многих окнах здания пансионата горел свет.

– А где народ? – поинтересовался Гуров.

– В основном все собрались в беседке, в здании почти никого нет... Те, кто находился в своих комнатах, повыскакивали на крики, когда обнаружили Вячеслава Андреевича, – пояснил Шишкин.

– А кто обнаружил труп? – спросил Крячко.

– Один из гостей, Дятлов Юрий Васильевич. Он как раз собирался пройти в здание и тут увидел, что под балконом лежит... тело, – почти шепотом ответил Шишкин.

– А что же, звука падения тела никто не слышал? – удивился Гуров.

– Нет, – покачал головой Шишкин. – Во-первых, звучала музыка, и довольно громко. Некоторые пошли купаться, кататься на водных велосипедах. Только малая часть прошла в свои комнаты, да и то больше для того, чтобы переодеть мокрую одежду. Для сна было еще очень рано.

– А почему сейчас музыки нет? – надвинулся на Шишкина Крячко.

Тот слегка оторопело попятился и пробормотал:

– Так выключили... Обстановка, знаете, как-то не располагала к танцам.

– Нужно было все оставить до нашего приезда, – строго заметил Крячко.

Шишкин лишь развел руками, снова что-то пробормотав.

– Тело не трогали? – спросил Гуров.

– Нет... Хотели перевернуть, но я вмешался, – поспешно заговорил Шишкин. – У нас есть свой, местный врач, он сразу определил, что Вячеславу Андреевичу уже ничем не поможешь. Вы можете сами поговорить с ним.

– Непременно поговорим, – кивнул Гуров. – А пока что осмотрим тело.

И оба сыщика двинулись к зданию пансионата. Шишкин сопровождал их, норовя забежать вперед, но его коротенькие ножки не поспевали за широкими шагами оперов. Понимая, что обогнать полковников у него не получится, Шишкин заговорил на бегу:

– Послушайте, у меня к вам одна просьба... Дело, как вы сами понимаете, весьма деликатное...

– С чего вы взяли? – круто повернулся к нему Крячко. – Вам известно, из-за чего его убили?

От неожиданности Шишкин замер на месте и отшатнулся.

– Нет, что вы! Я просто имею в виду, что... Почему вы говорите об убийстве? Ведь это явно типичный случай! Человек вышел на балкон, у него закружилась голова, он не удержался и... Вот!

– Там что, нет перил? – спросил Гуров, не замедляя шаг.

– Почему? Есть, конечно.

– Тогда как он мог упасть?

– Ну... – Шишкин замялся. – Дело в том, что за ужином – что уж греха таить! – гости выпили. И некоторые довольно много. Ну, тут их можно понять – люди приехали отдохнуть, на несколько дней, так что могли себе позволить. Гладких немного не подрассчитал, принял лишнего, вот и не удержался. Вы поймите меня правильно: из-за этого... случайного инцидента может пострадать репутация пансионата. У нас элитное заведение, и никогда не было никаких эксцессов. Обслуживание всегда безукоризненное. И теперь может случиться так, что все произошедшее сегодня будет неправильно расценено. Нам бы этого совсем не хотелось.

– К сожалению, ваши желания сейчас никого не интересуют, – пожал плечами Гуров, подходя к зданию.

– Увы! – Крячко хлопнул съездившегося администратора по хрупкому плечу. – Моим сегодняшним желанием, причем абсолютно законным, было посмотреть, как сыграет «Спартак». А меня его лишили!

– И тоже совершенно законно, – заметил Гуров. – Ладно, давай к делу.

Внизу, на асфальтированной площадке, лежало тело мужчины. Он был в рубашке с короткими рукавами и светлых тонких брюках в едва различимую полоску; лежал лицом вниз, под его крепкой головой с коротким ежиком русых волос растекалось темное пятно. Гуров опустился на колени. По краям кровь уже начинала подсыхать. В том, что Гладких был действительно мертв, не было никаких сомнений. Крячко тем временем довольно бесцеремонно обратился к Шишкину:

– Ну, вот что, вам тут глазеть необязательно, так что отойдите пока в сторонку.

– И позовите вашего врача, – попросил Гуров.

Шишкин, подавив глубокий вздох, тем не менее послушался и чуть ли не рысцой побежал по дорожке. Лев поднялся с колен, отряхнул брюки и поднял голову. Он заметил, что из некоторых окон с любопытством выглядывают головы жильцов. Некоторые негромко переговаривались между собой.

– Ну что, Лева? – тихо спросил Крячко. – Может, действительно несчастный случай? И по домам?

– К сожалению, не может, – задумчиво отозвался Гуров.

– Почему?

– Потому что, во-первых, лежит он лицом вниз, а гематома у него с правой стороны, в районе виска.

– Может, он вовсе не из-за этой шишки умер, – предположил Крячко.

– Нужно, конечно, послушать, что скажет врач о причине смерти... – кивнул Гуров. – Но даже если и не от нее, сам факт ее наличия заставляет задуматься. Гематома, судя по всему, совсем свежая. Я, конечно, не доктор, но кое-какие вещи определить могу... И вот еще что, взгляни.

Гуров отошел, предоставляя Крячко возможность самому взглянуть на тело жертвы. Он посветил своим фонариком в район шеи покойного.

– Вижу, – негромко отозвался Крячко. – У него на вороте рубашке не хватает пуговицы. Но он мог потерять ее когда угодно!

– Верно, – подтвердил Гуров. – И все же кое-что мне подсказывает, что эту пуговицу мы имеем все шансы найти где-то поблизости. Если, конечно, убийца ее не подобрал. Видишь, ворот рубашки смят. Скорее всего, его схватили за воротник сзади, дернули, пуговица и оторвалась.

В это время к воротам пансионата подкатила машина со следственной группой, включающая экспертов и следователя прокуратуры. Собственно, именно следователь должен был возглавлять оперативно-следственную группу, и без его разрешения не полагалось передвигаться по территории и прикасаться к чему-либо. Гуров и Крячко, будучи более чем опытными оперативниками, были прекрасно об этом осведомлены и вели себя должным образом, тщательно следя за тем, чтобы ничего не нарушить вокруг.

Следователь уже шагнул к ним, за ним следовал судебно-медицинский эксперт с чемоданчиком и эксперт-криминалист – довольно молодая девушка, которая ни Гурову, ни Крячко не была знакома. Следователь молча пожал операм руки и коротко спросил:

– Криминал? Дело заводить будем?

– Да, – кивнул Гуров. – Посмотрите сами.

Следователя Ширяева они знали много лет и привыкли доверять друг другу, поэтому сейчас следователь кивнул и шагнул вперед. Гуров показал ему гематому на голове Гладких, а также отсутствие пуговицы на рубашке, после чего к делу приступил судмедэксперт. В это время с другой стороны послышались шаги, и к подъезду торопливо подошел Шишкин в сопровождении высокого кучерявого мужчины лет пятидесяти, с гладкой бородкой и усами. В руке тот держал большую, причудливо украшенную трубку, периодически затягиваясь ею. Запах табака был каким-то не совсем привычным – сладковато-терпким.

– Вот, это Игорь Владимирович, наш врач. Это он констатировал смерть и рекомендовал вызвать вас, – сказал Шишкин.

– Смерть констатируем мы, – поправил его следователь. – Точнее, наш врач. Вы, кстати, кто по специальности?

– Реаниматолог, – ответил Игорь Владимирович. – Так сказать, врач широкого профиля. Так как я здесь единственный представитель своей профессии, должен уметь реагировать мгновенно.

– А фамилия ваша? – поинтересовался Гуров. – И документы желательно.

Тот протянул паспорт, из чего Гуров выяснил, что врач носит фамилию Носов. Он рассказал, что его позвали после того, как обнаружили тело, он сразу же определил, что Гладких мертв, и посоветовал обратиться в полицию.

– Больше мне добавить нечего, – сказал Носов, попыхивая трубкой.

– Интересная у вас трубка, – заметил Гуров.

– Да, это подарок, – небрежно сказал врач. – Причем до того, как мне ее подарили, я не курил вовсе, – засмеялся он. – А тут, как говорится, пришлось научиться. Вот так абсолютно некурящий медик стал заядлым курильщиком.

Гуров тем временем вновь переключился на Шишкина:

– С какого этажа он упал?

– С четвертого, – услужливо ответил тот.

– Он находился в своем номере?

– Да.

– И был один?

– Да.

– А откуда вам это известно? – прищурился Крячко, впорыв взгляд в Шишкина.

Станислав явно с первых мгновений невзлюбил администратора и теперь разговаривал с ним соответствующим тоном. Он моментально почувствовал, что Шишкин растерян и

держится неуверенно, и упрямо пытался дожать и без того раздавленного администратора. Гуров выступил вперед и сам задал администратору несколько вопросов.

По словам Шишкина вышло, что после обильного ужина, который состоялся на открытом воздухе, многие решили освежиться. Гладких не был поклонником активного отдыха, к тому же он и впрямь существенно перебрал, поэтому не выразил желания ни танцевать, ни плавать, а направился к себе. Насколько известно Шишкину, его никто не сопровождал. Тело было обнаружено минут через пятнадцать-двадцать после ухода Гладких из-за стола. Дальше вопросы из сыщиков и следователя посыпались горохом.

Сколько всего человек присутствовало в пансионате? Кто встречался с Гладких впервые, а с кем он был знаком хорошо? Был ли он в момент смерти в той же одежде, в какой уходил из-за стола, или успел переодеться? С кем он приехал? Какой занимал номер, и т. д. и т. п. Словом, совершенно обычные, рядовые вопросы, которые возникают во время любого расследования. Шишкин, отдуваясь, едва успевал отвечать на них. Примерно минут через двадцать сыщикам стало ясно, что одного Шишкина мало – для полной ясности нужны показания и других свидетелей. Посему было принято решение разделить и возложить на себя несколько функций.

Что касается Гурова, то он первым делом стремился осмотреть номер, в котором оставился Гладких, и в компании следователя прошествовал в здание. Шишкина попросили не отходить от них никуда, поскольку его присутствие было нужно постоянно.

В номере на первый взгляд была образцовая обстановка. Видимо, гости прибыли не так давно и не успели еще толком обжиться. Постель, тщательно застеленная, лишь слегка смята в одном месте, словно по недоразумению. Судя по вмятине, на нее ненадолго присели. На спинке стула висел костюм, который Вячеслав Андреевич, видимо, сменил.

Ковер на полу лежал идеально ровно, кресла не сдвинуты. Нигде никаких следов борьбы. Возле одного из кресел стояла большая спортивная сумка, в которой, по всей видимости, лежали вещи покойного, которые он привез с собой.

Гуров раскрыл сумку и методично просмотрел ее содержимое. Ничего особенного: кое-что из белья, носки, ветровка, солнечные очки и прочие мелочи. Шкаф был пуст – Гладких еще не вынимал одежду.

В ванной комнате пахло парфюмерией. На вешалке висело чуть смятое банное полотенце. Гуров пощупал его – оно было влажным.

Он покинул ванную и подошел к балконной двери, которая была раскрыта настежь. За это время эксперт-криминалист уже обследовала все на балконе на наличие следов – полы, перила, стену, – и Гуров безбоязненно шагнул через порожек.

Он обратил внимание на то, что перила расположены довольно высоко. Лев, рост которого был выше метра восьмидесяти, перегнулся через них. Они доходили ему до середины груди. Выпасть при такой конструкции было проблематично. А Гладких показался ему человеком среднего роста.

Осмотр номера не занял много времени, и Гуров уже собирался заканчивать, как в это время снизу стали доноситься какие-то крики. Ему показалось, что голоса звучат испуганно. Гуров чуть нахмурился и спустился вниз. Тело Гладких уже накрыли простыней, однако оно по-прежнему лежало под балконом. Крики доносились откуда-то слева, со стороны пруда.

Пансионат был построен неподалеку от пруда, до которого дойти можно было меньше чем за минуту. Собственно, в строгом смысле это был даже не пруд, а часть Клязьминского водохранилища, и в связи с этим действительно было не совсем понятно, почему пансионат называли «Голубое озеро». Вероятно, автору такое наименование, придуманное, видимо, давным-давно, казалось романтическим, и он решил не обращать внимания на географическую недостоверность.

Всмотревшись, Гуров заметил юркую фигурку Шишкина, спешащего на крик, и быстрым шагом отправился следом. Голоса приближались, и Гуров уже мог различать отдельные слова.

– Быстрее! – кричал мужчина. – Водолазы, спасатели есть?

– Помогите, помогите! – вздохнула вторая ему какая-то женщина. – Она же утонет!

Гуров ускорил шаг, легко обогнал Шишкина и первым увидел перепуганных людей. Их было трое, двое мужчин и одна женщина, совсем молодая, как показалось ему. Все они были промокшими, кроме девушки, на которой был надет купальник, а сверху накинуто нечто вроде тонкого шелкового платка. Мужчины были в шортах и майках, с одежды стекала вода. У берега маячила лодка с невыключенным мотором, издававшим негромкое тарахтение.

– В чем дело? – крикнул из-за спины Гурова Шишкин, но полковник отстранил его и вопросительно уставился на всю компанию.

Девушка, видимо почувствовав в его лице некую защиту, бросилась вперед и затараторила с расширившимися глазами:

– Наташка утонула! Господи! Какой ужас! Они ныряли-ныряли, но так и не достали ее!

– Помогите же скорее, может быть, ее еще можно спасти?! – выступил вперед один из мужчин – худощавый брюнет с прямыми волосами, которые сейчас, будучи мокрыми, выглядели прилизанными.

– Есть у вас спасатель? – быстро спросил Гуров у Шишкина.

Тот сглотнул слюну, растерянно обернулся назад, потом кивнул.

– Так зовите быстрее, черт вас побери! – в сердцах произнес Гуров. – И доктора тоже!

Спасатель появился на удивление быстро – высокий, атлетически сложенный мужчина лет тридцати пяти, облаченный в водолазный костюм. Гуров сделал знак промокшим мужчинам, и те тоже влезли в лодку, чтобы показать место. Сам он остался на берегу вместе с крупно дрожащей девушкой и бледным, перепуганным Шишкиным. Спасатель стал за руль, лодка рванулась с места... Гуров посмотрел на часы, нахмурился и едва заметно покачал головой. Он думал, что шансов на благополучный исход уже нет. Даже если повезет и девушку вытащат сразу, то вряд ли ее можно будет вернуть к жизни: в воде она пробыла уже довольно долгое время, учитывая, что, прежде чем пристать к берегу, мужчины еще ныряли за ней.

Гуров с тревогой пристально вглядывался в даль. Он слышал, что мотор заглох, а следом послышался плеск, словно в воду что-то бултыхнулось. Стоявшая рядом девушка невольно вцепилась в руку полковника и с силой ее сжала. Шишкин что-то непрерывно бормотал себе под нос – не то молился, не то сетовал на судьбу. Сзади послышались шаги. Гуров обернулся и увидел Крячко в сопровождении врача.

– Достали? – спросил Станислав.

Гуров отрицательно покачал головой, и тот молча встал рядом, нахмутив брови. Наконец лодочный мотор снова включился, и довольно скоро лодка подплыла к берегу.

– Ну что? – спросил Гуров, подходя к самому краю. Вода плеснула ему на ботинки.

Мужчины молчали. В лодке на скамье лежало тело молодой женщины в открытом купальнике. Одна бретелька сползла с плеча, обнажая небольшую округлую грудь. Глаза девушки были закрыты. Врач быстро бросился вперед и попытался влезть в лодку.

– Бесполезно, – бросил спасатель. – Она зацепилась лямкой за корягу на дне. Я пытался сделать искусственное дыхание, но...

Он не закончил фразы, махнул рукой и прыгнул на берег, отходя в сторону. Врач все же прошел вперед, шагнул в лодку, склонился над телом и оттянул веко девушки. Гуров заглянул ему через плечо: зрачок был неподвижен. Врач взялся за руку девушки, ища пульс, но его, по всей видимости, не было. Прodelав еще некоторые манипуляции – скорее для очистки совести, врач выпрямился и со вздохом констатировал:

– Все.

Один из мужчин, тот самый брюнет с прилизанными волосами, ахнул и, запинаясь, проговорил:

– Господи... Неужели... Неужели ничего нельзя сделать?

– К сожалению, нет, – покачал головой врач.

Девушка, стоявшая на берегу, затряслась еще сильнее, потом бросилась к спутнику брюнета, упала ему на грудь и зарыдала в голос.

Гуров переглянулся с Крячко.

– Кто она такая? – негромко обратился он к Шишкину. – Я имею в виду утопшую.

– Это одна из отдыхающих... – начал было тот, но брюнет перебил его:

– Это моя жена! – произнес он с неким вызовом.

Гуров кивнул и достал блокнот.

– Фамилия, имя, – проговорил он.

– Мои? – уточнил брюнет.

– И ваши, и вашей супруги.

– А вам зачем? – прищурившись, зло спросил брюнет.

Гуров молча достал свое удостоверение и показал мужчине. Тот с недоумением посмотрел на него, затем поднял вопросительный взгляд на Гурова и перевел его на Шишкина.

– У нас неприятности, Виталий Александрович, – произнес тот.

– Вы с какого времени отсутствуете? – вступил Гуров.

Брюнет растерянно посмотрел на своего спутника, обнимавшего рыдающую девушку. Это был русоволосый мужчина примерно его возраста, он был пониже и пошире в плечах.

– Мы уплыли примерно час назад, – ответил тот.

– Точного времени не помните? – спросил Гуров.

Мужчины переглянулись и помотали головами.

– Лев Иванович! – раздался сзади голос следователя. – Что там происходит?

– Подойдите, Леонид Петрович, – отозвался Гуров.

Следователь подошел, толпа расступилась, и его глазам предстало тело девушки, безжизненно лежавшей на лодочной скамье. Следователь быстро посмотрел на Гурова.

– Похоже, придется заводить два уголовных дела, – задумчиво произнес он.

– Два? Почему два? – вскричал брюнет. – И при чем тут вообще уголовные дела?

Крячко незаметно похлопал Гурова по руке и вышел вперед. Он по-свойски положил мужчине руку на плечо и заговорил:

– Тут, понимаешь, за время вашего отсутствия кое-что случилось... Ты вообще с кем приехал, с женой?

При этом Крячко теснил мужчину в сторонку, и тот покорно шел за ним, на ходу машинально принимаясь отвечать. В распоряжении Гурова и следователя остались русоволосый мужчина и девушка, которая уже перестала рыдать и теперь лишь судорожно всхлипывала, не выпуская руки своего спутника.

– Леонид Петрович, давайте поручим свидетелей Станиславу и вернемся к делу Гладких, – предложил Гуров, которому важно было определить, действительно ли придется заводить два уголовных дела или же в ситуации с девушкой произошел несчастный случай.

Следователь согласно кивнул. Ему и самому не улыбалось взвалить на себя еще и девушку, так некстати утонувшую в то самое время, когда он был занят смертью чиновника. Поэтому он охотно принял предложение Гурова и вместе с ним зашагал в сторону пансионата, после того как полковник предупредил Крячко о его новой роли.

Шишкин, которому было приказано следовать за ними, выглядел совершенно разбитым.

– Кто эта девушка? – на ходу спросил его Гуров.

– Наташа Щелокова, – ответил тот каким-то осипшим голосом. – Приехала сегодня вместе с мужем. Они всегда приезжают вместе. Мужа ее вы только что видели.

– Они действительно уплыли час назад?

– Я, собственно, не могу сказать с уверенностью... – замялся Шишкин.

– Во сколько закончился ужин? – спросил Гуров.

– Примерно в десять вечера. И после этого все стали разбредаться кто куда – я вам уже говорил об этом. Кто-то отправился купаться, кто-то танцевать, кто-то, подобно Гладких, захотел отдохнуть в своей комнате. А эта компания решила сплавать на лодке. Вполне естественное желание. Они вообще любят ночные катания, – говорил Шишкин.

– Когда они уезжали, Гладких был еще жив? – уточнил Гуров.

Шишкин вновь засомневался.

– Я, собственно... Понимаете, я специально за этим не следил. У меня куча других обязанностей, а гостей довольно много. Я же не могу держать каждого в поле зрения! И потом, разве я мог предположить, что это пригодится?

Гуров ничего не ответил, и тогда Шишкин продолжил:

– А почему вы спрашиваете? Вы что, считаете, что смерть Гладких может быть связана с этим... инцидентом? Но это же абсурд!

Гуров снова не дал ему ответа. Вместо этого он велел Шишкину подождать в стороне, а сам спросил следователя, что уже удалось выяснить.

– Да пока мало что известно, – пожал плечами следователь. – Приезжал этот Гладких сюда довольно часто, практически каждые выходные.

– Один? – спросил Гуров.

– Один, один, – подтвердил следователь.

– Он что же, не женат?

– Женат. Более того, недавно стал дедом. И жена его, как счастливая новоиспеченная бабушка, все время возится с внуком, помогая дочери. И вообще, как говорят знавшие его люди, Гладких предпочитал проводить время в пансионате без семьи.

– Угу, – отметил этот факт для себя Гуров. – Кто-нибудь видел, как он входил в номер?

– Видели, как он поднимался по ступенькам пансионата, – уточнил следователь.

– Дверь в его номер была не заперта, – задумчиво произнес Гуров. – Может быть, кто-то видел, как некто проходил по коридору за несколько мгновений до смерти Гладких?

– Увы, – развел руками следователь и вздохнул. – И потом, его смерть обнаружилась не мгновенно, прошло все-таки несколько минут... Сколько точно – установить сложно. От одной до десяти. В общем, придется всех опросить повторно, и уже не здесь, а у себя в кабинете. Народу много, так что работы по горло.

– Место под балконом обыскали? – спросил Гуров.

– Да. И, предвидя ваш следующий вопрос, могу сразу сказать, что ничего не нашли. Ни пуговицы, ни еще каких-либо улик. Все чисто, практически стерильно.

– Вот как... – произнес Гуров и повернулся на голоса, раздавшиеся сзади.

Голоса приближались, среди них выделялся тонкий женский и вторящий ему глуховатый добродушный баритончик, в котором Гуров узнал голос Крячко. Гуров повернул голову и увидел, как Станислав вразвалочку шествует к зданию пансионата, ведя впереди себя всю компанию любителей ночных водных катаний. Девушка что-то упорно доказывала ему, а Крячко вроде бы не спорил с ней, но в то же время и ничего не утверждал.

Наконец вся группа достигла Гурова и следователя, и голоса сразу смолкли.

– Что ж, предварительные данные я получил, – заявил Крячко. – Судя по их словам, похоже на несчастный случай.

– А я вам что говорю! – снова эмоционально заговорила девушка. – Все же произошло на наших глазах!

– Станислав, отойдем на минуточку, – попросил его Гуров, оставляя свидетелей нового происшествия на следователя.

Они прошли к какой-то беседке в глубине двора и присели на белую резную скамейку. Крячко почесал затылок и сказал:

– Твердят одно и то же. Немного растеряны, разумеется, но это вполне естественно. В показаниях вроде не путаются. Но я бы на всякий пожарный допросил их еще разок, поодиночке и в другой обстановке.

– Общую картину опиши, – попросил Гуров.

Общая картина в пересказе Крячко выглядела следующим образом. Молодые люди, Виталий и Наталья Щелоковы, приехали в пансионат около семи часов вечера. Вместе с ними, но на своей машине, прибыли их друзья – Сергей и Даша Прохоровы. Сергей и Виталий служили в том же ведомстве, что и погибший Гладких. Причем Виталий Щелоков, муж погибшей Натальи, был еще и его заместителем по каким-то вопросам. Но это к делу отношения не имеет. Компания расположилась в соседних номерах, все собирались отдыхать и весело проводить время. Перед ужином успели искупаться и сыграть в бадминтон. После ужина решили развлечься и прокатиться на лодке. Было уже довольно темно, но не настолько, чтобы лишить себя удовольствия ночного купания. Остановив лодку на середине пруда, все один за другим попрыгали в воду. Плавали вроде бы все рядом, постоянно переговаривались. Потом вдруг обратили внимание на то, что Наталья молчит. Покричали, позвали. Не услышав ответа, встревожились. Посмотрели в лодке – пусто. Сперва еще не теряли надежды, думали, что Наталья просто отплыла далеко – она хорошо плавала. Потом забеспокоились не на шутку. Мужчины велели Дарье забраться в лодку, а сами принялись нырять. Однако их попытки не завершились успехом, и минут через пятнадцать было принято решение плыть на берег за помощью. Ну а остальное уже понятно.

– Кто первым забеспокоился, что женщина не отвечает? – спросил Гуров, выслушав Крячко.

– Да они и сами этого не помнят. И это, кстати, вполне естественно: все в воде происходило, к тому же уже темновато было.

– Значит, сделать однозначного вывода, убийство это или несчастный случай, не получается, – резюмировал Гуров.

– Пока не получается, – слегка поправил его Крячко. – Я велел им всем троим завтра явиться в главк для дачи показаний.

– Боюсь, что это коснется не только их троих, – произнес Гуров. – Ты заметил, сколько здесь народу собралось? Плюс персонал. Опросить всех подробно и сопоставить показания за сегодняшнюю ночь просто нереально. К тому же многие начнут кричать, что они падают с ног и хотят спать.

– С каких пор тебя стали волновать такие вещи? – изумленно воззрился на него Крячко. – Ты же у нас железный человек, когда речь идет о деле.

– Ну, во-первых, предварительные показания мы все-таки добыли, – ответил Гуров. – Главных свидетелей опросили, что называется, не отходя от кассы. Во-вторых, не от всех, кто здесь находится, будет толк. Разумеется, круг сузится до нескольких человек. И вот на них нужно будет сделать упор. Ну и, как ни крути, все собравшиеся здесь – все-таки уважаемые люди, и идти с ними на конфликт на ровном месте не стоит. Петр Николаевич явно бы не одобрил подобного. Так что давай уважим старика в такой мелочи, дабы потом, если понадобится, сделать по-своему в крупном. Пока что у меня ни к кому из них претензий нет. Но, как ты понимаешь, если появятся основания подозревать кого-то из них, мне будет

глубоко плевать, сколько времени на часах, и на прочие этические церемонии. Или тебя кто-то беспокоит?

– Да как тебе сказать, Лева... – поскреб затылок Крячко. – Не дает мне покоя этот убитый горем муженек.

– Ты про Щелокова? – нахмурился Гуров, и Крячко кивнул.

– Понимаешь, – продолжал он, – вроде и ведет себя естественно, и растерянность искренняя, но как-то он нервничает. Словно боится чего-то.

– Ну, ему есть чего бояться. В первую очередь того, что ему не поверят и обвинят, к примеру, в неоказании помощи. Хотя, если показания всех троих совпадут, к нему не будет претензий. Пока ничто не указывает на то, что это было убийство. И если бы не смерть Гладких, случившаяся приблизительно в то же время, дело, скорее всего, вообще бы не завели.

– Я их вызвал на завтрашнее утро первыми, – сказал Крячко. – Поодиночке. Конечно, эти Прохоровы, как муж с женой, могут и договориться, как отвечать.

– Но кто, как не ты, умеет развенчивать ложные показания, – перебил его Гуров. – Вот видишь, а ты сокрушался, что тебя зря сорвали с места... А тут такая работа намечается! Что бы я без тебя делал?

– Уж лучше бы зря, – ворчливо отозвался Крячко. – Сейчас бы уже домой возвращались. А тут даже не одно – два дела грозят.

– Подожди еще со вторым, завтра разберемся, – как мог успокоил его Гуров.

Он взглянул на свои наручные часы. В пансионате они провели уже почти три часа. За это время было сделано многое. Произведен осмотр места происшествия, а также всей территории, допрошены главные свидетели, от остальных получены предварительные показания. Судмедэксперт тщательно обследовал тело – насколько, конечно, это было возможно в данных условиях. Эксперт-криминалист исследовала местность и номер, в котором остановился Гладких. Гуров лично побеседовал с Дятловым – тем самым человеком, который обнаружил тело Гладких.

Показания его, правда, никакого света на случившееся не проливали. Юрий Васильевич – невысокий, плотный, седоватый мужчина – сообщил, что после окончания обеда, выждав минут десять, решил отправиться к себе в номер, поскольку предстоящие молодежные развлечения его не сильно волновали. По его словам, он собирался просто полежать перед телевизором, ссылаясь на то, что после сытной еды привык немного вздремнуть. Гладких отправился немного раньше, что подтверждалось и показаниями других свидетелей.

Подходя к пансионату, Юрий Васильевич увидел под балконом что-то темное и большое. Говорил, будто сперва даже не понял, что это тело, так как страдает близорукостью. Затем подошел, узнал Гладких и вначале подумал, что тому стало плохо. И только склонившись над телом, заметил кровь.

– Вы его трогали, переворачивали? – спросил Гуров.

Дятлов заверил его, что нет, что он сразу же побежал к столу, где остались многие отдыхающие, а также администратор пансионата Шишкин. Тот сразу же позвал врача Носова, и все трое вернулись к Гладких. Носов тут же заявил, что Гладких мертв, после чего произошло замешательство, длившееся несколько минут. Шишкин никак не мог решить, звонить ему в полицию или нет, хотя ответ на этот вопрос был очевиден. Но тут его можно понять: никто не хочет скандала в своем заведении. К тому же директор пансионата, Владимир Павлович Белкин, в данное время отсутствовал, отправившись куда-то за границу на отдых, и все ответственность лежала на Шишкине.

Ситуацию осложняло еще и то, что многие к этому моменту разберлись кто куда, и собрать всех и сообщить неприятную новость было проблематично. Гуров спросил Дятлова и о компании, включавшей чету Щелоковых и Прохоровых. Юрий Васильевич ответил, что они покинули стол одни из первых, даже не дождавшись десерта. Но отправились ли сразу

кататься или какое-то время находились на берегу, он точно ответить не может. На вопрос Гурова, почему они прервали обед, Дятлов ответил, что, видимо, заскучали, однако Гурову его ответ показался неубедительным, к тому же Дятлов говорил как-то нехотя и не глядя на него. Решив разобраться с этим позже, расспросив других, Гуров пока что оставил Юрия Васильевича в покое.

Он переговорил со следователем, выяснил, что тот также успел сделать все предварительные дела, и они совместно решили, что всех, кто присутствовал в пансионате в этот вечер, следует оставить здесь до утра с тем, чтобы утром они явились для дачи показаний, о чем и объявили во всеуслышание. Правда, нашлись такие, кто не пожелал оставаться, а хотел немедленно отправиться домой. Желание это было вполне естественным: пансионат «Голубое озеро», бывший до сих пор милым и гостеприимным, в одночасье превратился в злое место. Весть о том, что Наталья Щелокова утонула, уже облетела всех, и в совокупности с трагедией, произошедшей с Гладких, это стало дополнительным фактором, заставляющим этих людей держаться отсюда подальше.

Никто не стал возражать, и многие, облегченно вздохнув, стали поспешно рассаживаться по машинам и разъезжаться.

– Что ж, Лев Иванович, считаю, что и нам здесь оставаться нет смысла, – сказал следователь.

– Верно, – подтвердил и Крячко. – Завтра с утра работы по горло, а спать нам осталось каких-то часа три, учитывая, что еще домой добираться.

– Хорошо, поехали, – согласился Гуров, часы которого показывали уже половину третьего ночи.

– А мне что делать? – растерянно выступил вперед администратор Шишкин, видя, как рушатся все его потуги обеспечить гостям достойный отдых.

– А вас, Алексей Михайлович, я также жду завтра у себя в кабинете. В девять тридцать утра, – сказал Гуров. – А пока спокойно спите.

– Если, конечно, сможете, – добавил Крячко и вальяжно проследовал за Гуровым к его машине.

Глава третья

Пауза в работе, которой Гуров воспользовался, чтобы доложить наконец генерал-лейтенанту Орлову о текущем состоянии дел, возникла на следующий день только ближе к обеду. Все время до этого Гуров непрерывно был занят, принимая и расспрашивая одного свидетеля за другим. Он исписал за это время такое количество листов протокола, какое не всегда исписывал за неделю.

«Хорошо еще, что есть такая вещь, как компьютер», – думал Гуров, вспоминая, как в стародавние времена, когда технический прогресс еще не достиг нынешних высот, им, операм, приходилось довольствоваться авторучкой и как в результате долгой писанины между указательным и средним пальцем возникали грубые мозоли – совсем как в школьные годы.

Крячко, который печатал куда медленнее Гурова, обычно пользуясь одним, от силы двумя пальцами, потратил кучу времени на одних только Прохоровых и Щелокова. Собственно, Гуров ему и не поручал покуда заниматься ничем другим. Гурову было важно поскорее разобраться со смертью Натальи Щелоковой и исключить ее из числа умышленных убийств, дабы внести ясность в картину, нарисованную вчера неведомым художником-злодеем в пансионате «Голубое озеро».

Правда, они виделись с Орловым утром на планерке, но в свете произошедших событий она прошла в ускоренном режиме – генерал-лейтенант не хотел задерживать своих главных сыщиков и отвлекать от срочных дел, к тому же не собирался обсуждать дело Гладких в присутствии всего отдела, пока в нем не появится хоть какая-то определенность.

Словом, закончив с очередным свидетелем, Гуров посмотрел в расписание и отметил, что до прихода следующего у него есть в запасе полчаса. Их он решил использовать для отчета перед Орловым и позвал с собой Крячко. На круглой физиономии Станислава было написано, что он с куда большим удовольствием потратил бы их на законный обеденный перерыв, однако сам понимал, что в данных условиях это нецелесообразно. Посему в кабинет Орлова сыщики вошли вместе.

Генерал-лейтенант был ни весел, ни сердит. Он просто ждал, что скажут ему его подопечные. В душе, правда, Орлов лелеял надежду, что смерть Гладких окажется все-таки не криминальной, и тогда ему можно будет вздохнуть с облегчением, но Гуров с первых же слов развенчал чаяния своего начальника.

– Что ж, Петр, предвижу, что новости тебя не порадуют, но, как говорится, что выросло, то выросло, – сразу перешел полковник к делу, усаживаясь на жесткий стул, который Орлов держал в кабинете специально для него. Все остальные сотрудники главка, включая самого генерал-лейтенанта, предпочитали восседать в удобных мягких креслах. Но Гуров вечно был не как все, причем чаще в хорошем смысле слова, и Орлов не спорил с ним по таким пустякам. Исполняя прихоть Гурова, он просто распорядился принести в свой кабинет самый обычный деревянный стул.

– Я слушаю, Лева, – кивнул Орлов и сложил руки на столе перед собой.

Гуров подробно рассказал о ночной работе, описал сам пансионат «Голубое озеро», обстановку, коротко охарактеризовал присутствующих, назвал примерное время смерти Гладких и ее причину, которая к этому моменту уже была установлена. Судебно-медицинский эксперт однозначно заявил, что смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, не совместимой с жизнью, которую Гладких получил при падении. Гематома на виске была получена им еще при жизни, но буквально за несколько секунд до смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.